

ШОЛОХОВСКАЯ ВЫСОТА

СЛОВО О ВЕЛИКОМ
ПИСАТЕЛЕ

ДНИ ПАМЯТИ, дни скорби.
Нет Шолохова. Умер великий писатель...

В двадцать восьмом году Александр Серафимович, в то время редактор журнала «Октябрь», подписал номер, которому суждено было стать шолоховским — началась публикация первой книги романа «Тихий Дон». Писателю было всего лишь двадцать два года.

Знать, что Шолохов живет, работает, было радостью. Над его седой головой летели ветра народной любви. Его можно было представить пахарем и лесоводом, учителем и врачом. Жизнь среди людей и для людей.

Слово Шолохова — как глоток чистого, свежего воздуха. Его ждали читатели всех поколений «Комсомолки».

В последние годы Шолохов редко встречался с журналистами. Бывали дни, когда врачи запрещали писателю встречаться с кем-либо. И поэтому, понятно, обрадовались, услышав по телефону от него, Шолохова:

— Приезжайте.

Как раз в то время в Вешенской проходил районный партийный актив.

Михаил Александрович не смог прийти к станинникам, но его присутствие чувствовалось постоянно. Председательствующий объявлял: «Слово предоставляется товарищу Майданникову... Приготовьтесь товарищу Кривошлыкову».

Майдаников — это из «Поднятой целины». Совхоза. Кривошлыков — из «Тихого Дона». Тоже совхоза. Так здесь называют хозяйства. Жизнь и литература в этих краях благодаря Шолохову идут слитно, нераздельно, как чистые струи в реке.

Уже в «Донских рассказах» Шолохов круто развернулся к подлинной жизни. Реальный, бурлящий мир вошел в его книги, не потеряв глубины, точности и красок. Здесь трагедии не умалчиваются, а выступают одухотворенной чистотой, предельно обнаженным чувством и поступком, людскими судьбами.

Последняя встреча А. М. Горького с комсомольскими работниками... Среди участников встречи — Александр Косарева, в то время генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. Горький говорит о строительстве новой жизни и задачах литературы. Он требователен в суждениях. Явную досаду вызывают у него некачественный труд, поверхностное знание жизни у некоторых литераторов. Но здесь же Алексей Максимович сделал существенную оговорку:

— Но не все у нас плохо. Не все плохо. Вот «Тихий Дон» — это уже настоящая вещь.

А еще раньше, в 1932 году, Горький скажет, что с книгами Шолохова «толковые люди Европы считают, как с самой действительностью».

У Шолохова не встретишь слов округленных, ленивых, не найдешь избитых ситуаций. Мгновенно впечатляющая образность. Писатель никогда не удивлял читателей торопливым захлебом многочисленных замыслов. Наверное, только так и можно добиться совершенства и глубины. Даже над небольшой заметкой он работает по-писательски тщательно, выверяя каждое слово.

У шолоховской высоты неутоно и боязливо всякому равнодушию, бездушной поделке, формальному изыску, неправде. Он жил со своими героями, он шел с народом по трудным, но единственно верным тропам утверждения нового мира, никогда не отстраняясь от главного в жизни. До обидного мало говорил о собственном труде, о секретах литературного мастерства. Может быть, потому что считал дело исполненным и решенным, когда окончена книга. А дальше пусть судят читатели и критики.

И ВОТ МЫ У ШОЛОХОВА. На рабочем столе — стопки книг, газеты, письма. Почте Шолохова позавидует любая газета. Люди со всех концов нашей страны делились с ним своими радостями и бедами, говорили простые и ясные слова о своей любви к его творчеству, его книгам, его героям, к нему — писателю-коммунисту, депутату Верховного Совета СССР всех созывов. На одном из наших вопросов задержал взгляд. Задумался. Потом спросил:

— А почему вас интересует поездка на фронт летом сорок первого?.. В том, что писатели поехали на фронт, ничего героического не было.

Это так важно, что напомним... О чем бы ни шел дальше разговор, Шолохов снова и снова возвращался к той поездке. Вспоминал ее в деталях, фактах.

— Когда мы ехали на фронт, нас вызвали в Главное политическое управление и сказали: «Смотрите, товарищи писатели, не посрамите земли русской».

Кинохроника тех лет запечатлела приезд Михаила Шолохова, Александра Фалеева, Евгения Петрова в действующую армию, которой командовал в то время генерал-лейтенант, а впоследствии Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Наверное, у операторов было четкое, репортёрское задание: показать, что в грозный час наши лучшие писатели — в действующей армии, с воюющим народом. У камеры короткий шаг. Бодрый, уверенный тон. В кадрах — минуты фронтового за-

тишья. Солнце в августовской листве. Взгляд кинокамеры обрывается на взгорье армейского наблюдательного пункта. Но самое важное осталось за кадром: недостает тяжелых и долгих солдатских будней, пыли, подвига и горя войны. Уже в ту поездку Шолохову пришлось побывать в самом пекле, на полюсе мужества — в солдатском окопе.

— Вот такой эпизод. Нужно было перебраться на командный пункт полка. А противник вел огонь по площадям, все усиливал его. Огонь стал довольно плотным. А надо идти. Взял я красноармейца — пошел. Наше движение заметили — накрыли огнем. Залегли. Красноармеец грызет горбушку, говорит: «Убьет, товарищ Шолохов. Давайте возвращаться». Я — молчок. Он же ведет. Он знает, что делать. А дальше открытое место. Не пройдем. Переждали чуть, вернулись. Но идти-то надо. Кто начинал, тому и идти. Снова пошел. Удачно. Встретил нас командир полка. Обрадовался. А тут как раз взором ему от комбрига: «Ты боишься ближнего боя, такой-сякой... А закон тут ближний бой? Открытая местность. Так и млет автоматный и пулеметный огонь — кинжальный».

Шолохов рассказывает тихо, спокойно, как будто вызывает из памяти и снова переживает незабываемое. Слушаешь его и вздрагиваешь от мысли: все могло случиться, война есть война. На передовую под вражеским огнем пробирался вместе с солдатом не юноша, исполненный отваги, а писатель, уже названный великим во многих странах мира. Писатель, посевший над страницами «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Таким путем добывался материал для «Науки ненависти», «Они сражались за Родину», «Судьбы человека».

Уже на второй день войны писатель переводит в Фонд обороны СССР Государственную премию, полученную им за роман «Тихий Дон» весной 1941 года. В телеграмме, направленной в ЦК ВКП(б), он выражает готовность в любой момент «встать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину».

ДО ВОЙНЫ столичные журналисты без удовольствия рассказывали о том, что на пути в Вешенскую их подстерегают самые различные природные неожиданности: снежные метели, осенняя распутица, дождь и грязь, бурное весеннее половодье тихого Дона. В общем, так оно и было. Добраться до Вешек в непогоду в то время было не так-то просто. Но журналисты приезжали и уезжали, а Шолохов жил в Вешенской.

Самое удивительное то, что писатель не жаловался на бездорожье, трудности и отдаленность от столицы. А с годами мало кому известная казачья станица словно выплыла на простор большой жизни и теперь видна отовсюду.

У художника нет легкого успеха, легкой славы.

— Молодые писателю шлют свои книги, большей частью — рукописи, — рассказывал Михаил Александрович. — Есть проблемки талантливые ребята. Но и среди них нередко — чуть его напечатал, он уже — писатель, непомерные требования. Работа уже в сторону...

В двадцать четвертом году, прожив несколько лет в Москве, Шолохов возвращается в родные места. К этому времени у него уже много друзей среди комсомольских, пролетарских писателей. Литературная слава Шолохова густо прочерчена, но главный, незыблемый по масштабам труд еще впереди — работа над «Тихим Доном», «Поднятой целиной».

Этот факт навсегда в комсомольской летописи. Впервые имя Шолохова сверкнуло на страницах комсомольских газет «Молодой ленинец», «Юношеская правда»,

«Комсомольская правда» и журналов «Молодая гвардия», «Комсомолия», «Журнал крестьянской молодежи».

Страницы «Тихого Дона» написаны самыми разными чернилами — синими, фиолетовыми, красными, даже карандашом. Захватывающий поток мыслей, Шолохов уже не думал о том, чем писать.

В Вешенской он никогда не испытывал одиночества. С каждым днем крепла его дружба с рабочими и колхозниками, партийными работниками. Он был в самой гуще жизни, у хлебного поля, душой и сердцем разделяя с тружеником, солдатом горечь неудач, торжество Победы.

Шолохов — жизнелюб по натуре, юмор оставался с ним и его героями до конца жизни, даже в тяжкие минуты. А тем более — в хорошем настроении.

— Михаил Александрович, кого из художников-иллюстраторов «Тихого Дона» Вы считаете наиболее интересным?

Шолохов медлит с ответом. Нас было несколько человек. Кто-то называет:

— Верейского, Реброва...

Шолохов мягко улыбается, не возражая. А потом в глазах заиграли веселая сининка, и писатель говорит:

— Знаете, мне больше всего нравится одно издание, послевоенное. Такой большой том, все четыре книги вместе и без единой иллюстрации. Очень хорошее издание.

Мы рассмеялись. Один из нас в тон первому вопросу предлагает изорвать:

— А кто из критиков пишет лучше всех о Вашем творчестве?

Опять веселая сининка в глазах:

— Никто, — отвечает.

Снова — смех. О Шолохове написано много и хорошо. У нас и за рубежом. Существует наука: шолоховедение. Но кто пишет лучше? Читайте и судите сами.

— Михаил Александрович, сейчас писатели охотно включают в сборник своих литературных статей свою переписку. Иногда это бывает интересно.

— Может быть, — говорит Шолохов, но потом, словно вспомнив что-то веселое, улыбнулся: — Но в письмах можно и покрасоваться?

Вспаханное, засеянное поле проходит в «Тихом Доне» светлым, желаемым миром, тем укладом человеческой жизни, где только и могут быть добро, правда и красота. Этот мотив перелывается в «Поднятую целину».

ПЕРВУЮ КНИГУ «Поднятой целины» Шолохов писал в то время, когда создавался и «Тихий Дон». Представим себе. Далеко от Москвы, почти никому не известная станица. Вечерет. Зажигается керосиновая лампа. Наверное, в то время были и десятилитровые. Они поярче, чем семилитровые. Шолохов садится к столу. За окном уже совсем темно. Одиноким кому-нибудь показался и этот дом, и этот человек. Но у художника другое ощущение. И он выведет твердой рукой:

«Ночь».

На север от Гремячего Лога, далеко-далеко за увалами сумеречных степных гребней, за логами и балками, за сплошными лесов — станица Советского Союза... А за ленинским Мавзолеем, за Кремлевской стеной, на вышем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага...

Шолохов слышал родную землю — дальнее и близкое. Знал ее до последней былинки. Он верил в судьбу Отчизны. Он думал и писал только языком правды и любви.

Это и есть путь к сердцам людей.

Иван ЖУКОВ.